

Молот с грохотом опустился на широкий лист металла, и Векша, одним точным движением перекинув его в корыто с маслом, усмехнулся, гулко произнеся:

— Всё, друже. Дальше уж легче будет.

— Не скажешь, что задумал? — не сдержал Беломир любопытства.

— Прости, — качнул кузнец головой. — Я прежде хочу сам всё испробовать. А уж потом стану от тебя ругань слушать.

— О как! — удивлённо хмыкнул парень. — Мыслишь, я так сильно ругаться стану? — иронично уточнил он, не сдержавшись.

— Станешь, — кивнул Векша, обречённо махнув рукой. — Я ж, тебя не спрося, для этого дела из твоих запасов железо взял.

— И чего? — не понял Беломир. — А то я тебя шибко спрашиваю, когда задумку какую делать начинаю. Взял и взял, — махнул он рукой.

— Так ведь железо доброе, а я его в дело пустил, сам не зная, как оно получится, — вздохнул кузнец, покаянно опустив голову.

— Векша, тебя случаем Верея чугуном по затылку не прикладывала? — спросил парень, делая вид, что очень озабочен этим вопросом.

— С чего бы? — тут же вскинулся кузнец, расправляя и без того широченные плечи.

— А чего ты тогда мне тут дурь такую несёшь? — фыркнул Беломир, пряча усмешку в уголках губ. — Запомни, друже. Я железо то для того и добывал, чтобы мы с тобой всякое разное делать пробовали, а после что-то для стана полезное ковать начинали. Думаешь, у меня самого всё с одного разу выходит?

— Конечно.

— Ой, не лги, — рассмеявшись, тряхнул Беломир роскошным хвостом из волос, давно уже ставшим его личной фишкой. — А то ты не видел, сколь раз я на пергаменте рисую, а после стираю, что рисовал.

— Видел. Да только после-то у тебя всё одно сразу выходит, — вдруг упёрся кузнец.

— И за то твоим рукам золотым слава. А вот прежде, чтобы у нас с тобой вышло, я тот пергамент и извожу. Так что не бери дурного в голову. Не получится, так после железо то на что другое пустим, — махнул парень рукой, закрывая тему.

Хотя понять, что именно приятель задумал сделать, было очень интересно. Во всяком случае, на данном этапе эта штука больше всего напоминала тяжёлый древнегреческий щит. Выгнутая, хорошо прокованная железяка. Но с таким на коня не влезешь. Да и в пешем бою с ним особо не развернёшься. Если только кузнец решил сделать эту штуку под себя самого. Никто другой без посторонней помощи её просто так не унесёт. Умывшись из ведра, стоявшего у входа в кузню, приятели уселись на лавочку, переводя дух после долгойковки.

— На торг-то поедем? — помолчав, лениво поинтересовался Векша.

— Надобно, — подумав, решительно кивнул Беломир. — Казну пополнить не мешает.

— Опять всё на железо да горюч-камень спустил? — вдруг возмутился Векша. — Сказывал ведь, давай я свою долю вкладывать стану.

— Ты, друже, свою долю работой вкладываешь, — отмахнулся Беломир, не имея ни малейшего желания развивать эту тему. — Всё одно делаем из того железа то, что я и задумаю.

— А то, что я станичникам инструмент всякий из того железа кую? — не сдавался кузнец.

— И много того инструмента? — фыркнул парень. — Дай род, кому вилы отковать раз в лето. Ну, или топор. Забудь про то, — махнул он рукой. — Зато теперь вон кучу станков имеем. А деньги добудем. Теперь уж точно добудем, — уверенно заявил он, откидываясь на стену кузни. — Лучше скажи, зеркала все отлил?

— Давно уж. Всё, как ты велел, — тут же кивнул Векша так, что позвонки в шее хрустнули.

— Ну и добре, — вздохнул парень, глядя в бездонную синь неба.

— Ты чего, друже? — насторожился кузнец, уже давно научившийся замечать любые изменения в настроении приятеля.

— Не нравится мне эта тишина, — помолчав, тихо признался Беломир. — Прежде, сам вспомни, что ни седмица, то или налёт воев княжеских, или ещё какая заматня от степняков. А тут с самой зимы тишина.

— Некому налетать, — отмахнулся кузнец. — Забыл, как по степи мор словно метлой прошёлся? Почитай половину племён не стало. А князьям теперь не до нас. У них свои заботы.

— Это какие же? — с интересом уточнил Беломир.

— Вотчины свои сохранить. Потому как князей на Руси много, а уделов мало, — иронично усмехнулся Векша. — Слух был, что ктось из них даже со степняками сговор проворил, дабы от иных избавиться.

— А в ответ что? — заинтересовался Беломир, сопоставляя то, что помнил из своей истории, с тем, что видит собственными глазами.

— Да род их знает, — фыркнул Векша, махнув могучей дланью. — Всякое сказывали, да только чему верить, ума не приложу.

— А ты расскажи, вместе и подумаем, — не унился Беломир.

— Нашёл с чего голову ломать. То теперь не наша беда.

— Неужто так плохо всё, что ты и сказать не желаешь? — насторожился парень.

— Не хочу я верить, что князь ради власти станет поганым своих же людей им в рабство отдавать, — насупившись, тихо произнёс кузнец.

— Станет, — помолчав, еле слышно выдохнул Беломир, припомнив кое-что из той истории, что изучал сам. — За-ради власти и не такое делают.

— По здорову ль, казаки? — раздался вопрос, и через тын, широко улыбаясь, переступил Елисей Лютый.

— Слава роду, дядька. Сам-то как? — отозвался Беломир, легко вскакивая и направляясь к гостю.

— Живы, слава роду, — улыбнулся характерник, крепко обнимая парня. — Что опять задумали? — кивнул он на кузню.

— Да вон, у мастера нашего задумка какая-то имеется, вот и возимся, — быстро перевёл Беломир стрелки. — А ты тут каким ветром?

— Казачков своих к тебе привёл. Хочу, чтоб ты сам, своим глазом глянул, как они науку твою выучили, — с ходу озадачил его казак.

— И много их? — насторожился Беломир.

— Десяток всего.

— Ну, два лета для такого дела маловато будет, — прикинув сроки, задумчиво протянул парень. — Экзаменацию сдавать дело непростое.

— Чего делать? — озадачился Елисей.

«Блин, опять лопухнулся», — выругался про себя парень и, вздохнув, осторожно перевёл:

— Испытание держать. А ты куда их всех на постой определил? — быстренько сменил он тему.

— Так по вдовам развёл. И дурни мои под прищотом и вдовам прибыток, — развёл казак руками.

— А сам? — не унимался Беломир.

— Так Дамира, как меня увидела, так тут и в оборот взяла, — рассмеялся Елисей. — Велела сумы в хату заносить, потому как для меня комната в дому твоём имеется.

— Верно решила, — одобрительно кивнул парень. — Добре. Раз такое дело, ты, друже, — тут он повернулся к кузнецу, — тут заканчивай и под вечер ко мне приходи. А мы пока до дому пойдём. Стану баню топить.

— Так Дамира уже спроворила, — усмехнулся казак. — Она на подворье твоём, словно дома у себя, — добавил он, поглядывая на парня с лукавым прищуром.

— Она там заместо ключницы, — отмахнулся Беломир. — И то сказать, куда ей ещё-то податься? А дом у меня, сам знаешь, большой.

— Это верно. Дом ты построил, что хоромы княжеские, — рассмеялся Елисей. — А что промеж тебя

и Радмилы? Сказывают, поссорились так, что едва до драки не дошло.

— А-а, — удручённо махнул Беломир рукой. — Дурит девка. Сама не знает, чего ей надобно. Я к ней с добром, а она иной раз такое скажет, что едва руку удерживаю. Была б парнем, давно б уже рыло набок свернул.

— М-да, бывает, — крикнул Елисей, растерянно ероша себе чуб. — Добре, за то после побайм.

Приятели дошли до Беломирова подворья, и парень, едва перешагнув тын, быстро осмотрелся. Приехавший в гости казак сказал правду. Бывшая амазонка и вправду с головой погрузилась в хозяйственные дела, взяв на себя все домашние заботы. Со скуки и не такое учудишь, отвечала она на все вопросы самого Беломира. В чём-то парень её понимал. В одночасье потеряв всё, женщина нашла себя в обычном домашнем быту, отвлекаясь от тяжких дум о сгинувшем некогда легендарном племени.

Увидев казаков, женщина быстрым шагом вышла из дома и, едва заметно улыбаясь, ткнула пальцем в сторону летней кухни, с ходу приказав:

— Туда ступайте. Я уж и чайник взгрела. Готово всё. А как баня протопится, париться пойдёте.

— Цены тебе, Дамира, как хозяйке нет, — усмехнулся в ответ Беломир. — И готовишь так, что за уши от тарелки не оттащишь, и в доме завсегда порядок, и в хозяйстве всё добре. Хоть сейчас замуж. Любой казак ради такой хозяйки в дому любого ворога голыми руками удавит.

— Вот уж чего мне не надобно, так это мужа, — со смехом отмахнулась женщина. — А вот ребёночка я б родила, — вдруг добавила она, лукаво прищурившись.

— Опять за своё? — укоризненно качнул Елисей головой.

— Теперь уж нет, — грустно улыбнувшись, качнула Дамира головой.

* * *

Хриплый вой турьего рога вырвал парня из сладких сновидений, заставив резко вскочить и начать собираться, словно по боевой тревоге. По сути, это и была та самая тревога. Навесив на себя всё оружие, Беломир уже ринулся к двери, когда выскочившая из своей комнаты Дамира остановила его одним коротким вопросом:

— А мне теперь куда?

— К Любаве ступай. Ежели что, вместе с Радмилой из стана уходите. Заодно и Любаву с собой прихватите, — чуть подумав, скомандовал парень и, не дожидаясь её реакции, вылетел из дома.

Станичники, точно так же разбуженные тревогой, выбегали со своих подворий и спешили на околицу, с ходу разделяясь на два рукава. В станицу вели две дороги, так что первым делом перекрывали именно их. Сама станица была обнесена чем-то вроде частокола из толстых брёвен, так что тут не враз и переберёшься. К тому же извечные враги казаков, степняки и горцы, предпочитают сражаться верхом, и подобные попытки не для них.

Понятно, что рано или поздно найдётся среди них мудрая голова, которая додумается до обходного манёвра и попытки скрытного проникновения, но пока, как говорится, род миловал. Выбежавший следом за парнем Елисей зычно скликал своих молодых бойцов, которых привёл для проверки. Понимая, что

казаку сейчас не до него, Беломир поспешил к воротам. Тут уже вовсю командовал Гриша, руководя установкой орудий.

Коротко поздоровавшись, Беломир настороженно уставился в сереющие сумерки, пытаясь рассмотреть на тракте хоть что-то. Ну не просто же так караул тревогу поднял.

— Всадники, почти полусотня, — коротко сообщил Григорий, заметив его взгляд.

— Кто именно, рассмотреть сумели? — быстро уточнил парень.

— Не разглядеть было, — мотнул казак чубом.

— А с чего тогда тревогу играли? — не понял Беломир. — Они ж вроде не атакуют.

— Да непонятное там что-то было. Вроде вои имеются, а в атаку не скачут. За поворотом встали и принялись ладить чего-то, — проворчал казак с некоторым смущением.

— А на что похоже было то, что они ладили? — насторожился Беломир.

— Да хрен его знает. Я ж сам не видал, — развёл Григорий руками.

— А караульные где?

— Так по местам разбежались. Ты чего? — подобрался казак, заметив его настороженность.

— Не нравится мне это, — глухо проворчал Беломир, судорожно вспоминая, до какого именно времени в войнах применялись всякие онагры и тому подобные скорпионы.

Сообравив, что ничего толком вспомнить не может, парень ухватил приятеля за локоть и, оттащив в сторонку, еле слышно прошипел:

— Как бы чернорясные сюда машину метательную не притащили. Убить, может, и не убьют никого,

а вот хаты спалить запросто из такого оружия могут. Может, сбегает, глянем?

— Не успеем, — оглянувшись и окинув готовящихся к бою казаков, удручённо вздохнул Григорий. — Может, сам?

— Придётся, — вздохнул парень и принялся оглядываться в поисках подходящего места для медитации.

Для краткости и наведения тени на плетень, он решил назвать свои новые способности именно так. Казаки характерники знали, что всё это значит, а остальным и знать не надо. Но едва только приятели отошли от ворот шагов на двадцать, как в сереющем небе возник длинный огненный росчерк, который стремительно двигался в сторону станицы.

— Поздно! — зло выдохнул Беломир и, сделав глубокий вдох, во всю глотку заорал: — Казаки! Слушай меня! Всем от стен отойти и к забору встать!

Название частокола, которым была обнесена станица, он вспомнил очень вовремя. Бойцы, помня, что парень ничего не делает просто так, начали выскакивать из своих укрытий и перебегать к частоколу, но расстояние от точки запуска до мишени оказалось коротким. Снаряд, охваченный огнём, грохнулся прямо посреди улицы и, расколовшись, вспыхнул, заливая огнём всё вокруг.

— Греческий огонь! — ахнул Григорий, оттааскивая Беломира подальше.

— Два десятка воев с луками мне! — вырвавшись, скомандовал парень, срывая с плеча ружьё.

— Что делать станешь? — тут же потребовал Григорий план действий.

— Лесом подберёмся и из луков бить станем. Иначе они нам всю станицу спалят, — огрызнулся

парень, тыча пальцем в уже занявшуюся соломенную крышу хаты, рядом с которой и разорвался снаряд.

— Святослав, лучников сюда! — развернувшись, громовым голосом скомандовал Григорий и, обернувшись к парню, тихо добавил: — А ты тут будь. Ежели чего, сам решишь, как быть. Этих я поведу.

Скрипнув зубами, Беломир вынужден был согласиться. Как ни крути, а лес и окрестности станицы казак знал гораздо лучше него. Дождавшись от парня короткого кивка, Григорий быстро организовал два десятка стрелков и рысью повёл их за ворота. Проводив эту процессию взглядом, Беломир мрачно вздохнул и, быстро оглядевшись, наткнулся взглядом на пушкарей. Местные артиллеристы, выкатив орудия, так и стояли рядом с ними, пытаясь понять, как быть дальше.

— Зелье прячьте, чего встали! — рявкнул Беломир, пальцем указывая им, куда именно нужно нести бочонки с порохом.

Откатывать пушки, уже наведенные на ворота, смысла не было. Даже если на них и плеснёт огнесмесью, особого ущерба это не принесёт. Бронза, конечно, нагреется, но не критично. Если только колёса сгорят. Главное, чтобы само орудие не перевернуло. Впрочем, это тоже не большая беда. Благо ломаться там почти нечему. Железная станина и бронзовый ствол. Так просто не развалишь. Если только с кувалдой подступишь. Да и то усилий придётся приложить немало.

Казаки, подчиняясь его команде, подхватили бочонки с порохом и бегом потащили их в стене. Очередной болид проломил стену общественного дома, в котором обычно заседали станичные стар-

шины, и разорвался уже внутри, практически не нанеся имуществу вокруг никакого ущерба. Понятно, что сама хата ремонту после такого попадания уже не подлежала, но Беломира этот факт только порадовал.

Старшины могут и в гости друг к другу сходить, языками почесать, а вот дома станичников дело важное. Остаться без крыши над головой в середине лета проблема, просто потому, что поставить новый дом по старой технологии им просто не успеют. Можно было бы сложить его из кирпича, но и тут не всё так просто. Сам кирпич и черепицу сначала заготовить надо. Пока он прикидывал, куда именно может прийти третий удар, из темноты раздался разбойничий посвист, и на тракт вылетело примерно три десятка воинов с пиками в руках.

— Ахренеть! Они совсем страх потеряли! — удивлённо ахнул Беломир, бегом направляясь к воротам. — Казаки, к бою! — подал он команду, щёлкая затвором своего карамультука.

Подпустив атакующих поближе, парень прицелился в скакавшего первым воина в самом добротном доспехе и плавно спустил курок. Ружьё рывкнуло, выбрасывая клубы дыма, и всадник, выронив оружие и щит, вывалился из седла. В три движения перезарядившись, Беломир выстрелил ещё раз, а дальше в дело вступили лучники. Подлетев к запертым и заваленным рогатками воротам, воины растерялись. Похоже, им обещали, что препятствий для проникновения в станицу не будет.

Казаки воспользовались их замешательством и принялись уничтожать нападавших, буквально засыпая их стрелами с бронебойными наконечниками. Составные луки, добытые у степняков, штука мощ-

ная, и стрелой с игловидным наконечником запросто можно было пробить и кольчугу, и сплошной доспех на коротком расстоянии. Что стрелки с успехом и продемонстрировали нападавшим.

Беломир, встав за частоколом, у самого края, выбивал самых горластых всадников одного за другим, не давая им организовать хоть что-то. Наконец, не выдержав, нападавшие начали разворачивать лошадей, чтобы вырваться из-под обстрела, но к их несчастью, тракт уже был перекрыт теми лучниками, что ушли в лес. Ещё три усиленных залпа, и всё было кончено. На всякий случай перезарядив ружьё, Беломир вышел за ворота и принялся обходить лежащие тела, пытаясь найти хоть одного живого.

— Оставь, брате, — со злой усмешкой посоветовал Григорий, подходя. — Мы там взяли, кого поспросить можно. Это так. Холопы.

— Я так понимаю, ты уж знаешь, кто они? — задумчиво усмехнулся парень, оглядываясь.

— Помнишь, когда вы с Векшей у Далебора в стане жили, туда княжич приходил?

— Забудешь такое, — скривился парень.

— Вот его холопы и пришли, — зло усмехнулся казак.

— Чернорясные привели? — сообразил Беломир.

— Они, — коротко кивнул Григорий. — Видать, решили, что с той машиной смогут нас враз окоротить.

— А машина где? — тут же отреагировал парень.

— Послал казаков, притащат, — понимающе усмехнулся характерник.

— Главное, чтобы все снаряды к машине забрали. И от огня их подальше держали, — быстро напомнил Беломир.

— Ну, ты уж нас за совсем неразумных-то не держи, — фыркнул казак. — Знают они всё. Покоен будь.

— Добре. Нам те снаряды и самим пригодятся, — усмехнулся Беломир в ответ.

— Злое в них зелье, — помолчав, тихо вздохнул Григорий.

— Знаю. Потому и не хочу, чтобы оно к врагам нашим попало.

За разговором он не забывал и про трофеи. Уже привычно снимая со своих убитых доспех, пояса и, обыскивая их на предмет чего ценного, он закидывал всё найденное на сёдла трофейных же коней, тут же привязывая поводья к воротам. Приученные к бою лошади сначала отбегали, потеряв своих всадников, а после возвращались к ним. Так что обратно к дому парень вел табун из семи коней.

К огромному удивлению парня, лошади у княжьего воинства были не особо добрые. Судя по всему, это воинство вообще снаряжалось по принципу «на тебе, боже, что нам негоже». Даже доспех, на первый взгляд крепкий, оказался изготовлен из обычного железа. Его даже не пытались цементировать, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то закалить. Это открытие Беломира крепко удивило. Из состояния глубокой задумчивости его вывел крепкий хлопок по плечу и весёлый голос приятеля:

— Чего зажурился, друже? Всё ж добре.

— Глянь доспех, друже, — попросил Беломир вместо ответа.

— А чего на него глядеть? И так скажу, окромя железа, он и слова доброго не стоит, — весело отмахнулся кузнец, презрительно скривившись.

— Вот это меня и удивило, — кивнул парень. — Они ж знали, куда шли. Так почему доброго доспеха

не взяли? Иль тем чернорясным вои и вовсе не потребны?

— Им до воев и дела нет, — фыркнул Векша. — А доспеха, видать, иного не было.

«Шо-то я плохо понял, — проворчал про себя парень. — Или я дурак, или лыжи не едут».

— Друже, ежели они сумели такой доспех отковать, так почему до ума его не довели? С чего таким сырьём бросили? — перефразировал он свой вопрос.

— Я так мыслю, мастеров у них толковых не нашлось, — чуть подумав, высказался Векша. — Тут ведь как, друже. Одно дело, тот доспех отковать по форме нужной, и совсем другое, закалить его так, чтобы и не повело, и не передержать. Иначе от любого удара расколется, как тот орех. Да и не ковали они его. Отлили просто, — закончил кузнец, внимательно рассмотрев один нагрудник.

— Отлили?! — удивлению парня не было предела. — Доспех же вроде не льют. Иль я не знаю чего?

— Всё ты верно понял, — рассмеявшись, отмахнулся Векша. — Добрый мастер его из листа выгнет. А тут формой отливали. Видать, мастер литья у них имеется, а вот коваля доброго не нашлось. Потому и сделано так.

— Занятно, — удивлённо проворчал Беломир, снимая седло с ближайшего коня. — А про кольчуги что скажешь?

— Тоже не шибко добрые, — пожал кузнец плечами. — Говорю же, нет у них коваля толкового. Переделывать надобно.

— Сумеешь? — тут же поймал его Беломир на слове.

— Дело нехитрое, но уж больно муторное, — скривился Векша.

— Надо, брате. Надо. Чем у казаков оружие да доспех крепче, тем нам же лучше, — вздохнул Беломир, понимаясь вздохнув.

* * *

К удивлению Беломира, Григорий оказался прав. Это нападение было устроено юным княжичем с подачи греческих монахов. И онагр тоже они притащили. Точнее, тащили-то его княжеские боевые холопы, а они только руками водили. Но самой главной в этой аванюре была зажигательная смесь, которой были начинены те самые глиняные шары, которые и запускались этой машиной.

Облазив эту древнюю механику от основы до корзины, Беломир презрительно фыркнул и, покачав головой, решительно заявил:

— Если они и вправду решили такой штукой станицу разбить, то они ещё дурнее, чем я прежде думал.

— Не скажи, брате, — качнул Елисей головой, внимательно его выслушав. — Не такие они и глупцы. Сам видел, зелье то в шарах крепко злое. И водой не потушить было.

— Знаю, — отмахнулся Беломир. — Смесь эту давно придумали. Только они не всё потребное для неё нашли, потому хоть и горит жарко, а всё одно потушить можно. Настоящий греческий огонь ни водой, ни землёй не загасишь. Вот там и вправду злая штука.

— А ты, выходит, знаешь, что для неё потребно? — моментально поймал его на слове казак.

— Читал, — тут же выкрутился парень, мысленно обзывая себя ослом.